

КАНТИАНСТВО И НЕОКАНТИАНСТВО
В РУССКОЙ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА© 2015 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

Аннотация: в статье рассматриваются теоретико-методологические основания социологии права русских неокантианцев. На примере творчества П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского показывается особенность синтеза неокантианской и социолого-позитивистской методологии в деле познания государства и права.

Annotation: in the article discusses theoretical and methodological foundations the sociology of law of Russian neo-kantianism. In the work of P.I. Novgorodtsev and B.A. Kistyakowsky showing the features of synthesis neo-kantianism and socio-positivist methodology in the study of state and law.

Ключевые слова: социология права, кантианство, неокантианство, позитивизм, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский.

Key words: sociology of law, contenttwo, neo-kantianism, positivism, P.I. Novgorodtsev, B.A. Kistyakowsky.

Весьма крупным направлением, ставшим альтернативой позитивистской и марксистской социологии, было кантианство и неокантианство. Как верно отмечает историк русской философии, в России первой половины XIX в. “в целом не сложилось духовное образование, которое можно было бы назвать русским кантианством, сравнимым по форме и содержанию с русским шеллингианством 10–20-х гг. и русским гегельянством 30–40-х гг. XIX в.”². Тем не менее к философии Канта проявляется стойкий интерес, переводятся его работы, растет число публикаций, посвященных его творчеству. В 60–70-е годы “в университетской философской среде интерес к кантианству понизился, причиной чему послужило распространение материализма и позитивизма”³. С конца XIX в. наблюдается резкий рост внимания к наследию Канта, приведший к возникновению влиятельного направления, часто называемого “русским неокантианством”, что не вполне корректно. В этой среде русских философов, социологов, историков и юристов можно выделить (хотя и условно) две основные группы: к первой относились ортодоксальные кантианцы, довольствовавшиеся аутентичной трактовкой и популяризацией идей Канта (А.И. Введенский, И.И. Лапшин, Г.И. Челпанов), ко второй – последователи марбургской или баденской школ неокантианства. Как точно замечает Н.А. Дмитриева, «неокантианец, в отличие от

кантианца, исходит из невозможности непосредственно продолжать мысль Канта. Неокантианцу не остается ничего другого, как развивать свои собственные взгляды “в духе” Канта»⁴. Собственно неокантианцы группировались вокруг международного журнала по философии культуры “Логос” (издавался в 1910–1914 гг.), в состав его русской редакции входили С.И. Гессен, Ф.А. Степун, Э.К. Метнер, Б.В. Яковенко, Б.А. Кистяковский, А.С. Лаппо-Данилевский и др.⁵ Следует, однако, подчеркнуть, что сочинения русских авторов отличались, как правило, эклектикой, представляли собой смесь кантианства и неокантианства, демонстрировали стремление и популяризировать, и творчески развивать идеи Канта. Русские неокантианцы редко идентифицировали себя либо с марбургской, либо с баденской школами, здесь также преобладала эклектика, стремление выбирать в обеих школах понравившиеся идеи, не особенно заботясь об их академической принадлежности.

Немецкое неокантианство насчитывало пять или шесть школ, но главных было две – Марбургская (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер) и Баденская (В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Основные предпосылки их появления – гносеологические и социально-политические. «Исторической причиной возникновения неокантианства послужил разрыв и растущая пропасть между философией и естественными науками. Если 1-я пол. 19 в.

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук.

² Абрамов А.И. Кант в России // Русская философия. Энциклопедия. Изд. 2-е, дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апырьшко, А.В. Поляков. М., 2014. С. 261.

³ Там же. С. 262.

⁴ Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: “Марбург” в России. Историко-филологические очерки. М., 2007. С. 40, 41.

⁵ См.: Абрамов А.И. О русском кантианстве и неокантианстве в журнале “Логос” // Кант: pro et contra. СПб., 2005. С. 766, 767.

стояла все еще под знаком немецкого идеализма, даже в послегегельянских явлениях распада последнего, то очевидный уже к середине столетия мощный рост естественных наук оспаривал права этого идеализма не только на познавательную, но и на мировоззрительную монополию. Ничто в рамках мыслительных потенций университетской философии не указывало на возможность какой-либо продуктивной кооперации между Гегелем и, скажем, Г. Гельмгольцем; философия меньше всего способна была иметь дело с “бильярдными шарами” механики, наука меньше всего могла серьезно считаться с превращениями “абсолютного духа”⁶. Иначе говоря, немецкий идеализм, основанный на умозрительных, часто ходульных аксиомах был не в силе согласовать свои положения с выводами современного естествознания. Традиционная метафизика оказалась в состоянии расстройности, что послужило стимулом для поиска новых познавательных средств. Идейный арсенал для перестройки познавательного аппарата философии обнаружили в гносеологии Канта (отсюда лозунг “Назад к Канту!”). Обе школы (марбургская и баденская), каждая на свой лад, создали философию науки, сведя к ней фактически всю совокупность философского знания.

Обращение к кантианству было также вызвано и социально-политическими условиями. С последней четверти XIX в. социальная обстановка в развитых странах Запада меняется: улучшается материальное положение рабочего класса, социал-демократические партии получают места в парламентах и приобретают возможность в рамках демократических процедур оказывать влияние на буржуазные правительства, острота конфликта между пролетариатом и буржуазией заметно снижается. Все это привело к усилению реформистских настроений в социалистическом движении. Вожди социал-демократии стали утверждать, что расчет на скорую гибель капитализма ошибочен, противоречия капитализма смягчаются, буржуазный строй способен без крови и насилия мирно вступить в социализм. Была выбрана новая тактика, состоявшая в том, чтобы перевести борьбу пролетариата за свои права в мирное русло. Лидеры реформистского крыла немецкой социал-демократии (Э. Бернштейн, К. Каутский), стремясь устранить из рабочего движения идею революции и диктатуры пролетариата, посчитали необходимым дополнить марксизм кантианством. Реальную политическую борьбу пролетариата с буржуазией за власть предлагалось перевести в область этики,

сосредоточив основные усилия на нравственном самосовершенствовании. Все это выразилось в появлении такого специфического идейного феномена, как “этический социализм”.

В России обращение к кантианству и неокантианству также было вызвано научными, идеологическими и политическими причинами. После длительного господства в интеллигентской среде позитивизма и марксизма возникла потребность противопоставить этим направлениям научно понятый идеализм. Агрессивный экспансионизм позитивистской и марксистской философии и социологии вызвал ответную реакцию у значительной части русской интеллигенции. Манифестами такой реакции стали сборники “Проблемы идеализма” (1902 г.) и “Вехи” (1909 г.), где было заявлено о необходимости поворота к идеализму в философии и либеральному консерватизму в политике. Примечательно, что авторы обоих сборников (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкой, С.Н. Трубецкой, А.С. Лаппо-Данилевский) прошли хорошую кантианскую школу как в университетах Германии, так и самостоятельно. На основе кантианства возникает такой феномен, как возрожденное естественное право, где философский идеализм был соединен с русским консерватизмом, а требование правовой защищенности личности дополнялось ценностями православной Руси. Благодаря кантианству значительная часть русских марксистов перешла на позиции либерализма, образовав направление так называемого “легального марксизма” (П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, М.И. Туган-Барановский и др.). Так же как и в Европе, русские марксисты под влиянием идей Канта и его последователей посчитали нужным дополнить исторический материализм идеей ценности личности и ее творческой роли в истории. Таким образом, в России поворот в сторону кантианства и неокантианства привел к появлению самостоятельного направления, проявившего себя в философии, социологии и политике.

Существование неокантианской социологии, наличие большого числа авторов и сочинений данного направления – общепризнанный факт истории науки. Вместе с тем дистанция между гносеологией Канта, философией науки марбургцев и баденцев, с одной стороны, и социологией – с другой, представляется значительно более длинной, чем между, например, позитивизмом и социологией. Позитивизм – естественная основа и среда обитания социологической науки, поскольку дает последней адекватный, аутентичный

⁶ Свасьян К.А. Неокантианство // Новая философская энциклопедия. В 4-х т. Т. 3. М., 2001. С. 56.

познавательный аппарат, здравые гносеологические установки. Исследователь в области естественных и гуманитарных наук – всегда стихийный позитивист, так как его познавательный интерес обращен к эмпирике, механизму функционирования явлений и их взаимосвязям. Исторический материализм Маркса также оперирует категориями, возникшими на основе изучения эмпирических фактов человеческой истории и культуры. С кантианством и неокантианством дело обстоит много сложнее, их возможности быть методологической базой социологии не представляются очевидными.

Связь кантианства и неокантианства с научным знанием, конечно, имеется, но весьма опосредованная. Кантовский дуализм явлений и “вещей в себе” хотя и соотносил знание с миром логики, а не с действительностью, все-таки ориентировал на познание объективных свойств предмета. Не следует забывать, что естественнонаучный дух кантовского дуализма в целом не противоречил “первому позитивизму”, Канта и Конта сближали агностицизм и стремление систематизировать научное знание. Пафос создания подлинной науки был присущ и основателям марбургской и баденской школ. Отправная точка их рассуждений – кантианское положение о субъективной природе человеческого знания: познание имеет дело не с объективными свойствами “вещей в себе”, а с априорными формами разума. По Канту, сущность “вещей в себе” никогда не может быть познана, поскольку человеческий разум, ограниченный врожденными и неизменными формами восприятия действительности, познает в конечном счете самого себя. Неокантианцы предложили устранить противопоставление познающего субъекта и “вещи в себе” при помощи сведения второго к первому. В этом случае действительность становилась проекцией познающего сознания, онтология сводилась к логике, объективные закономерности бытия отрицались и заменялись априорными законами разума. Познающий субъект, изучая предмет, фактически творил его в собственном сознании, реальность представляла в качестве совокупности понятий о ней. В конечном счете и марбуржцы, и баденцы видели в культуре самополагание развивающегося разума, существующего в соответствии с законом долженствования. Человеческая история, общество, государство, право, согласно неокантианцам, есть не объективные “вещи в себе”, а трансцендентально-логические построения познающего субъекта. Соответственно, предмет социологии переводился из сферы эмпирики в сферу сознания.

На близость неокантианской и позитивистской социологии указывает П.С. Шкуринов: «Неверно рассматривать неокантианские марбургскую и баденскую школы и их русских последователей как силы “противостояния позитивизму”, будто бы “полностью изменившие парадигму философии и социологии”. Неокантианские теоретики действительно выступали против “догм” позитивизма. Но этот “антипозитивизм” был вызван стремлением освободиться от некоторых постулатов “первого позитивизма”, от понятийного аппарата Конта и Спенсера, Милля и Тэна. В противовес натуралистическому сведению позитивистами сущности общественных явлений к набору простых их законов неокантианцы выдвигали идею о “био-психо-социо” сфере гуманитарных “наук о духе”. Как и многие махисты, они выступали против “механистического детерминизма” истолкования социальных процессов “первыми позитивистами”, требуя понимания прежде всего субъективного смысла этих процессов, интроспекции их агентов в сферу психического мира человека. Вполне приемлемым для неокантианских теоретиков, как и для всех позитивистов, было бы сведение социологии к изучению человеческого участия в общественной жизни: понятие “социального взаимодействия” и принцип “долженствования” требовали объяснения роли субъекта в истории»⁷. И далее: «Требуя реформы философии и социологии, реформы языка и знания, неокантианцы обнаруживали свою приверженность к культу “чистых” понятий, к порочному гносеологическому формализму, в своей сущности являвшемуся выполнением априорных заветов Канта. Как и позитивисты второй генерации, неокантианцы все понятия философии и социологии объявляли конструкциями, соотносящимися не с реальными фактами и событиями общественной жизни, а с познавательными интересами субъекта, с его переживаниями и представлениями»⁸.

Классические образцы неокантианской социологии дала Германия, где традиционно идеализм занимал ведущие позиции. Сочинения Ф. Тённиса, Г. Зиммеля, М. Вебера, А. Вебера, В. Зомбарта, К. Мангейма убедительно демонстрировали возможности неокантианской методологии в деле построения оригинальных социологических концепций, посвященных рассмотрению идеального, ценностного компонента культуры. Их методология не была однородной, помимо неокантианства включала идеи и других философских школ, что,

⁷ Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. М., 1980. С. 307.

⁸ Там же. С. 308.

конечно, разрушало единство их социологических моделей. Зачастую неокантианство им требовалось для обоснования идейного каркаса своих теорий, для придания своим взглядам большей концептуальности. Когда же немецкие социологи обращались к конкретным социальным вопросам (например, капиталистическое хозяйство у М. Вебера или В. Зомбарта), то здесь они превращались в типичных позитивистов, которых интересовал эмпирический материал, а не смысловые логические схемы. В этом случае дистанция между неокантианством и социологией значительно удлинялась.

В России конца XIX – начала XX в. картина была примерно такая же, но с той поправкой, что кантианство и неокантианство здесь отличались меньшей теоретической чистотой, большим эклектизмом, идейной размытостью и маргинальностью. Кантианские и неокантианские компоненты имело огромное число авторов, но далеко не все они использовали их в качестве методологического инструмента⁹. Неокантианская методология при рассмотрении государства и права в большей или меньшей степени представлена у П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, В.М. Хвостова, П.Б. Струве, В.А. Савальского, И.А. Ильина, Л.И. Петражицкого, Г.Д. Гурвича, С.И. Гессена, П.А. Сорокина. Данные авторы пытались найти закономерности, функциональные связи и системные свойства не столько в самих эмпирических феноменах государства и права, сколько в их логических моделях, присущих общественному и научному сознанию.

Представители “первого позитивизма” (О. Конт, Г. Спенсер), создавая социологию, стремились внести в нее научный компонент путем максимального сближения с естествознанием. При всех достоинствах такой подход имел и негативное следствие: он необоснованно стирал качественное различие между природной и социальной материей (крайние формы органицизма это убедительно показали). Несомненное достижение неокантианской философии и социологии (прежде всего в лице баденской школы) состояло в том, что была проведена грань между природой и культурой, естественными и гуманитарными науками. Неокантианцы, указав на различие между естествознанием и обществоведением, не только не отказались признавать последнее подлинной наукой, но, напротив, продемонстрировали необходимость социальных исследований. Критерием

разграничения наук у Г. Риккерта выступал метод познания: генерализирующий метод лежал в основе наук о природе, индивидуализирующий – наук о культуре. Социология согласно данной классификации была отнесена к наукам естественным, поскольку имела дело с природными элементами в жизни общества и стремилась отыскать в них закономерности. Но уже М. Вебер (ученик Г. Риккерта) отказался от такой узкой трактовки социологии, придав ей характер исторической дисциплины и тем самым отчасти причислив ее к наукам о культуре. Парадокс как раз и состоял в том, что независимо от базовых установок баденской школы та немецкая социология, которая возрастала на неокантианстве, изначально была “наукой о духе”, поскольку обращалась к изучению сознания, ценностей и духовной культуры. По-другому и не могло быть: при всей своей претензии быть строгой наукой социология, имея дело с социальной реальностью, приобретала все недостатки гуманитарного знания (размытость критериев истины, относительность и условность выводов, наличие идеологического и ценностного компонентов).

Среди русских неокантианцев также преобладало расширительное понимание социологии. Ее рассматривали в качестве универсальной науки, использующей как генерализирующий (номотетический), так и индивидуализирующий (идеографический) методы. Признание существования в обществе двух компонентов – природного и культурного – влекло за собой признание равноправия за обоими методами. Для русских юристов-неокантианцев (П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов) размежевание природы и культуры – необходимое условие их социолого-правовых концепций. Чтобы обосновать нормативность культуры, права и государства, сначала следовало четко разграничить в человеке “природу и дух”. Вместе с тем, добиваясь четкости в разграничении естественных и социальных наук, соотношение между ними социологам права виделось по-разному. Так, Новгородцев и Хвостов выступали против даже частичного их пересечения, а Кистяковский – за их взаимную дополняемость.

С точки зрения Новгородцева, правильное соотношение позитивной науки и моральной философии (нормативной этики) «состоит в их полном разграничении. Мораль проявляет свою особенность именно в том, что она судит независимо от закономерности, раскрываемой наукой; она имеет свою собственную закономерность. С другой стороны, наука по необходимости должна быть

⁹ См., например: *Фролова Е.А.* Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века. М., 2013. С. 118–139; и др.

индифферентна к выводимым из нее результатам: она ищет законов, раскрывает причины явлений и кроме этого ничего не знает. Надо с полной точностью провести это разграничение, чтобы прийти к сознанию, что нравственная оценка нисколько не расширяет “социологического понимания”. Скорее следует сказать, что, применяя эту оценку, мы отвлекаемся от социологического познания, отходим от него, так как смысл ее состоит в том, чтобы утверждать свое значение, несмотря на причинную связь событий и на их естественный ход»¹⁰. В этом же духе высказывается Хвостов: “Социология есть обобщающая наука, имеющая своей задачей выяснение природы человеческого общества и формулирование вечных и неизменных законов, действующих в общественной жизни, наука эта может быть построена только на психологической почве, так как самая сущность общества состоит в духовном взаимодействии людей в процессе духовного общения. Только на этой почве возможно надлежащее понимание единства общества, а также разграничение в общественной жизни явлений природы и культуры. Наука эта должна иметь характер чистого, а не прикладного знания и строго должна быть отграничиваема от всякого рода нормативных и политических построений”¹¹.

По Хвостову, смешение каузального и нормативного методов при изучении, например, государства влечет за собой смешение представлений о государстве реальном и должном, желаемом. Такая ошибка, полагает он, была распространена во времена господства теории общественного договора, когда государство рассматривалось как искусственное сооружение людей. «Будучи произведением сознательного человеческого творчества, государство должно было служить определенным целям; естественнее всего было рассматривать его постоянно с той точки зрения, насколько успешно оно служило этим целям, и тут же попутно предлагать разные реформы, которые сделали бы его более пригодным орудием для этих целей. Реформы эти выводились из природы государства, так как самая эта природа представлялась в телеологическом виде. Естественным, отвечающим природной сущности государства, именовалось как раз то, чего в действительных государствах не находили, но что казалось более соответствующим целям государства. Подобные квалификации

“естественного”, – заключает Хвостов, – и вводят читателя в заблуждение; ожидая под “естественным” найти изображение действительной природы государства, он получал на самом деле нормативное построение»¹². При этом юрист замечает, что в самой природе государства заключались некоторые основания для смешения каузальной и нормативной точек зрения.

Новгородцев и Хвостов, декларируя необходимость строгого разделения каузальных и нормативных наук, практически (видимо, сами того не осознавая) идут по пути их взаимного дополнения. Нормативная теория Новгородцева, обращенная на изучение закономерностей правосознания, по сути, включает в себя социологический компонент. Хвостов, предлагая создавать социологию на основе психологии (он ее понимает расширительно, отождествляя с сознанием), фактически исходит из неявного допущения, что предмет социологии – принципиально отличный от явлений природы. На деле Новгородцев и Хвостов демонстрируют стремление создать социологию права, изучающую политико-правовые явления как объективно данную духовную реальность и использующую оба метода – нормативный и каузальный.

В отличие от Новгородцева и Хвостова, Кистяковский, для которого вопрос методологии общественных наук был центральным в его творчестве, считал необходимым подчеркнуть отсутствие непроходимой грани между природой и культурой, науками нормативными и каузальными. “Природу, – рассуждает он, – часто противопоставляют социальному миру. В природе все необходимо, все совершающееся в ней происходит согласно со строгой закономерностью; поэтому для нее все безразлично: она одинаково порождает добро и зло, прекрасное и уродливое как равно необходимые явления. В противоположность этому в социальном мире благодаря человеческому сознанию и воле господствует принцип свободы; здесь создаются оценки и устанавливаются цели, а потому здесь идет неустанная борьба со злом и несправедливостью, здесь планомерно творится и осуществляется добро. Для уяснения некоторых черт социально-научного познания нам тоже приходилось прибегать к этому противопоставлению. Но нельзя забывать, что оно имеет только относительное значение. Безусловно противопоставлять социальный мир природе невозможно. С одинаковым правом социальный мир можно и включать в природу, рассматривая его как часть ее.

¹⁰ Новгородцев П.И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сб. статей (1902). М., 2002. С. 538, 539.

¹¹ Хвостов В.М. Социология: исторический очерк учений об обществе. М., 2011. С. 14.

¹² Там же. С. 6.

Ведь основание социального мира составляют стихийные явления, которые обусловлены причинными соотношениями и происходят в силу необходимости. Поскольку, следовательно, мы имеем дело со стихийными процессами в социальном мире, никакой разницы между природой и общественной жизнью нет. Разница между социальным миром и природой начинается там, где обуславливающим элементом является сознание человека”¹³.

С глубоким теоретическим обоснованием равноправия номотетического и идеографического методов в общественных науках (в частности, истории и социологии) выступил один из наиболее крупных русских неокантианцев А.С. Лаппо-Данилевский, приверженец баденской школы. В отличие от основоположников данной школы, которые относили генерализирующий (номотетический) метод к сфере наук о природе, русский социолог оба метода (номотетический и идеографический) пытается полностью перенести в науки о культуре. Так, он прямо заявляет, что номотетический метод сводится к открытию законов человеческого духа. Номотетический подход, будучи перенесенным из естествознания в область культуры, способствовал появлению, как минимум, двух направлений – социологии истории и социологии права. Становление исторической школы права – также следствие применения номотетического метода. Вместе с тем указывается и на его недостатки. Номотетический метод предполагает исключение фактов, не относящихся к логике избранной типизации, что обедняет представление о предмете. Он не дает всестороннего представления о той совокупности реально данных условий пространства и времени, в которых протекает деятельность человека. Знание, полученное вследствие применения номотетического метода, представляет собой модель, далекую от жизни. Приверженцы номотетического метода постоянно опираются на установление причинно-следственных связей, но при этом зачастую путают логически необходимую причинно-следственную зависимость от случайной. Номотетический подход в установлении причинно-следственной зависимости зачастую слишком механистичен, не учитывает нормативных оценок субъекта, которые могут выступать и в качестве цели, и в качестве мотива действия. В этом случае причинно-следственные связи легко превращаются в связи телеологические. Поэтому Лаппо-Данилев-

ский выступает за равноправное использование обоих методов, применение одного из них в ущерб другому изначально ведет к ограничению познания¹⁴.

Методология кантианской социологии права рельефно представлена в творчестве П.И. Новгородцева и Б.А. Кистяковского.

Новгородцева обычно принято считать специалистом в области идеалистической философии права, главой русской школы возрожденного естественного права, резко выступившего против господства позитивистской и марксистской философии и социологии. Он знаменит также своей борьбой против теорий “земного рая”, социальных утопий, обещавших абсолютную гармонию и всеобщее блаженство (объектом критики здесь выступали идеализированные модели либерализма, социализма и анархизма). Вместе с тем Новгородцев проявил себя оригинальным социологом, избравшим предметом исследования правосознание, его структуру, функциональные взаимосвязи между элементами, закономерности его развития.

Становление социологии было противоречивым процессом. С одной стороны, возникала новая общественная наука, нацеленная на исследование общества как системно организованного объекта. В этом отношении огромную позитивную роль сыграл западноевропейский рационализм с его гносеологической установкой на сближение с естествознанием. Однако, с другой – социология продолжила европейскую традицию создания социальных утопий, что также было следствием рационализма и мешало социологии стать строгой наукой. Односторонне развитый рационализм порождал заблуждение, что человеческий разум способен так организовать жизнь, открыть такие законы общественного устройства, которые позволят достичь всеобщей гармонии на основе единства интересов. Социологические доктрины К.А. Сен-Симона и О. Конта, во многом выросшие на почве философии истории, завершились созданием как раз таких грандиозных социальных проектов. Заслуга Новгородцева состояла в том, что он, показав ложность утопического сознания, вскрыл слабые стороны социологического знания. Используя методологию Канта и неокантианцев, ему удалось внести в социологию критический компонент, дополнить ее здоровым скепсисом, указав на границы социологического познания. Таким образом, критика утопического

¹³ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право // Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998. С. 399.

¹⁴ См.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М.; Екатеринбург, 2013. С. 38, 39, 49, 50, 89, 91–93.

сознания предстала у Новгородцева как попытка пересмотра возможностей общественной науки (в данном случае социологии). Здесь русский юрист шел от политики, его главной целью было дискредитировать политическую практику, основанную на теории “земного рая”, показать ограниченность общественных наук (в частности истории и социологии) – цель побочная. Гносеологические задачи здесь подчинены политическим (во всяком случае, так это выглядит со стороны).

Продолжая традицию Канта, Новгородцев стремится обосновать границы познания истории и социологии. Внешне это выглядело как попытка развить классическое кантианство, но акценты здесь были значительно смещены. Кант, указывая на границы научного познания, был одержим пафосом эпохи Просвещения, верой в науку и прогресс. Его дуализм явлений и “вещей в себе” был направлен на расширение возможностей науки, на освобождение ее от влияния религии и церкви. Задача, которую ставит перед собой Новгородцев, скорее противоположная: обоснование границ научного познания имело целью повернуть общественное сознание к метафизике, а в конечном счете к религии (как это и случилось с Новгородцевым в эмиграции, где он призывал вернуться к “святыням православной Руси”). В отличие от Канта, русский юрист в своей борьбе с социальным утопизмом подверг сомнению возможности прогрессивного развития человечества и встал на позиции религиозного и политического консерватизма.

Отдавая должное заслугам истории и социологии в деле изучения эмпирической жизни общества, Новгородцев выдвигает против них главное обвинение: они неспособны познать метафизическую основу социальной и индивидуальной жизни человека, а именно – нравственный закон. История и социология, используя методы наблюдения и классификации, могут выявлять лишь внешние механизмы, не проникая в суть общественных процессов, государства и права. История, согласно логике русского юриста, хотя и пытается открыть закономерности общественного развития, но делает это применительно к прошлому, она не способна предсказать будущее. Опираясь на прошлое и настоящее, история может предложить лишь гипотезы. Нередко жизнь идет по пути, начертанному утопиями, а не выводами науки, казалось бы, основанными на практике жизни. Социология, взрослая, по Новгородцеву, на фундаменте истории, восприняла от нее тот же механицизм и схематизм. Социология (подобно истории) открывает законы, отражающие

внешний механизм функционирования общества и его элементов, но не имеющие прямого отношения к сути явлений. Социологические законы, на вид строгие и точные, на самом деле характерны релятивизмом, что говорит об их условности и слабой связи с эпицентром социальной жизни – нормативной этикой. Сомнительным выглядит метод структурно-функционального анализа – один из важнейших в социологии. Признавая его важность, Новгородцев подчеркивает его субъективную природу: системные свойства общества и его элементов есть не более, чем форма сознания познающего субъекта. Социология имеет дело не с фактами действительности, а с априорными формами человеческого сознания, что также подрывает претензию социологии на универсальность и строгость открытых ею законов¹⁵.

За данной критикой истории и социологии стояла неокантианская установка на разграничение наук на нормативные и каузальные. Позитивистская и марксистская социология согласно логике юриста – наука каузальная, открываемые ею законы относительны, условны и потому не могут быть надежным ориентиром в деле создания будущего общества, государства и права. Традиционную социологию, делается вывод, следует дополнить двумя “способами научного познания”: индивидуально-психологическим и нормативно-этическим. Иначе говоря, Новгородцев не отвергает социологию как науку, а считает необходимым дополнить ее психологическим и нормативным компонентами, т.е. предлагает создать новую нормативно-психологическую социологию. Учитывая, что психология и этика в его текстах зачастую отождествляются и практически означают сознание, созданную им теорию можно уверенно называть просто нормативной социологией.

Опорные точки нормативной социологии права Новгородцева – кантианская этика и теория естественного права, понимаемая в метафизическом, трансцендентном духе. Как полагает русский юрист, общество не представляет собой самостоятельной субстанции, оно реально только в лицах и отношениях между ними. Подлинная субстанция общества – личность, ее нравственная природа, заключенная в нравственном законе (априорная форма человеческого сознания). Нравственный закон – системообразующий центр, объединяющий индивидов в общество и находящий свое воплощение в началах равенства, свободы и солидарности. Идея долженствования, переходящая в сферу действительности, получает форму естест-

¹⁵ См.: *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права. С. 509, 510, 533, 535–537, 546, 547.

венного права, что, в свою очередь, предопределяет политико-правовую организацию общества. Нравственный закон и естественно-правовая норма находят свое окончательное воплощение в абсолютном социальном идеале – вечной, но недостижимой цели человечества.

Социолого-правовой компонент ярче всего представлен в философии истории Новгородцева, где он попытался совместить кантовский моральный трансцендентализм и православную догматику с такими реликтами позитивистской социологии, как эволюционизм и теория прогресса. Отвергая способность позитивистской и марксистской социологии устанавливать законы, могущие стать средством глубокого переустройства политико-правовых форм, сам он претендует на открытие таких законов. Человеческая история, рассуждает Новгородцев, движется по направлению к абсолютному идеалу. Содержанием исторического процесса является прогрессивное развитие политико-правовых форм от менее совершенных к более совершенным. Смена относительных социальных форм, являя собой бесконечное совершенствование, никогда не сможет завершиться достижением абсолютного идеала. Чтобы уйти от данной “дурной бесконечности” (выражение Гегеля), Новгородцев переносит реальную историю в сферу логики и метафизики. Исторический процесс, таким образом, приобретает качество двойственности, в нем проявляются рациональное и иррациональное, эмпирическое и идеальное начала. Опираясь на православную эсхатологию, юрист принял исходный тезис о конечности земной жизни и ее продолжении после “конца мира”, а посредством кантовского морального трансцендентализма перенес бесконечное прогрессивное развитие из реальной политико-правовой жизни в сферу долженствования, нравственности. Таким образом, разрешение болезненного, противоречивого дуализма человеческой истории, конфликт между идеалом и земными политико-правовыми формами Новгородцев связал с “высшим метафизическим синтезом”, т.е. вынес разрешение данного конфликта за пределы земной человеческой истории.

Социолог-позитивист, стремясь отыскать законы общественной жизни, обращается к эмпирике как единственной основе всех происходящих в обществе процессов. Он смотрит на государство и право как на объекты, имеющие источник своего развития в собственной природе. В этом случае мир природы и мир культуры сближаются вплоть до отождествления. Социолог-марксист, стоящий на позиции исторического материализма, также

исходит из установки, что источник общественного развития находится в самом обществе, а государство и право подчинены законам, вытекающим из их природы. Здесь также используется естественнонаучная методология, хотя между социальной и природной материей проводится различие. Позитивистов и марксистов сближает позиция, согласно которой законы развития и функционирования государства и права следует искать в их собственной эмпирической природе. Новгородцев в качестве неокантианца не отказывается от поиска законов и закономерностей, но выносит их источник не только за рамки эмпирики, но даже за рамки человеческого сознания (мира культуры). Нравственный закон, по Новгородцеву, есть источник нормативной организации общества, задающий государству и праву закономерности развития. С формальной точки зрения он является атрибутом человеческого сознания и в этом качестве выступает источником саморазвития и формирования мира культуры по законам долженствования. Однако мысль о “высшем метафизическом синтезе”, выросшая на почве идеализма и православной догматики, ведет к подлинному источнику функциональных связей и закономерностей политико-правовой жизни – к Абсолюту, Богу. Новгородцев – не теолог, не богослов, и даже не религиозный философ, почему и не дает развернутых объяснений о связи законов земной жизни с Богом. Но такая связь подразумевается в качестве аксиомы, которой он предлагает руководствоваться при исследовании законов жизни общества, государства и права. В данном случае социологическая наука дополняется не просто нормативной этикой (что выглядит даже респектабельно), а иррационализмом и мистикой. Нормативная социология права Новгородцева, претендуя (при помощи кантианской методологии) на выявление законов более глубокого уровня (по сравнению с позитивизмом и марксизмом), на самом деле превращается в социальную утопию наподобие кантовской теократии. Теория абсолютного социального идеала – прямое тому подтверждение.

Данная критика не означает полного отрицания социолого-правовой доктрины Новгородцева. Изучение взаимосвязи высшей нормативной духовности с эмпирической составляющей государства и права – важная научная задача. Проблема лишь в том, что для беспристрастного научного исследования предлагается опираться на умозрительные аксиомы, а в конечном счете на религиозные догмы. Справедливости ради следует отметить, что пример Новгородцева указывает на типичные теневые стороны общественной на-

уки, а именно – на наличие в ней исходных ценностных и идеологических установок. От этого не свободен ни один исследователь, такова природа социальных наук.

В отличие от Новгородцева, для которого позитивизм и марксизм были действительно чуждыми направлениями, неокантианец Кистяковский был близок и к позитивизму, и к марксизму. Если Новгородцев стремится уйти от эмпирического уровня государства и права (поскольку эмпирические свойства, с его точки зрения, непоказательны), то Кистяковский считает недопустимым игнорировать эмпирику. Он в большей мере склонен уравнивать нормативный и эмпирический компоненты в праве и государстве. Вместе с тем Кистяковский – прежде всего кантианец и неокантианец, ставящий цель преодолеть односторонности позитивистской и марксистской философии и социологии. Господство данных направлений, приходит он к выводу, ввергло социальную науку в глубокий кризис, выразившийся в релятивизме добываемого знания: “Неудовлетворенность социально-научным знанием есть следствие полной неуверенности в его достоверности. В этой области как будто нет ничего объективного, прочно установленного, неопровержимо доказанного. Можно подумать, что все социально-научное знание состоит из ряда противоречивых мнений, теорий и построений. Каждому представляется сообразно со своим вкусом выбирать из них те, которые ему больше нравятся. Общего и объективного критерия для того, чтобы предпочесть ту или другую теорию, по-видимому, не существует. Многие даже прямо утверждают, что надо избрать себе какой-нибудь социальный идеал и сообразно с ним решать все социально-научные вопросы. В лучшем случае предлагают выбирать групповые идеалы или идеалы большинства. Но согласно с этим часто уже прямо высказывается мнение, что не только нет, но и не может быть объективных истин в социальных науках, а существуют только истины групповые и классовые. Наконец, некоторые доходят до того, что серьезно классифицируют социально-научные истины по тем общественным группам, интересы которых они отражают, и говорят о буржуазной и пролетарской науках, о буржуазной и пролетарской точках зрения”¹⁶. Причин, приведших к релятивности знания, две: 1) связь с социальной философией, привносящей в науку метафизику и социальную мифологию; 2) господство социологизма (игнорирование этического и психологического компонентов в жизни людей). Соответственно, свою задачу Кистяковс-

кий видит в том, чтобы реформировать социальную науку (прежде всего социологию), дополнив ее кантианской нормативной этикой.

Позитивизму и марксизму выдвигается обвинение, типичное для русского кантианца: оба направления неоправданно распространяют действие закона причинности на мир культуры, тогда как там преобладает закон должностования. Перенесение методов естествознания (прежде всего биологии) на обществоведение, полагает русский юрист, хотя и стало большим шагом вперед, в конечном счете нанесло социальным наукам большой вред. Пример такой неудачной имплантации – органическая школа, продемонстрировавшая примитивизм, устранив границу между природой и культурой. Страдает существенным недостатком и эволюционизм (одна из несущих опор позитивистской социологии), который, по Кистяковскому, показывая направленность процесса и его этапы, не в состоянии объяснить его. Эволюция природных или социальных явлений – это факт действительности, но не метод исследования. Понимать эволюцию как закон развития неверно: закон предполагает необходимое соотношение между явлениями вне времени и пространства, тогда как эволюция всегда предполагает пространство и время. Эволюция есть следствие действия законов. Марксизм, полагает Кистяковский, стоит много выше органической школы, поскольку предложил во многом действительно научную методологию. Однако в настоящее время он переживает упадок, так как из него сделали партийную принадлежность, а открытые им истины предполагают классовую точку зрения. В своем современном виде марксизм больше похож на метафизическую систему, чем на науку. Марксисты, сведя все социальные отношения к экономическим, получили в итоге фетиш, отчего проявили себя как крайние эволюционисты¹⁷.

Кистяковский не отвергает ни позитивизма, ни марксизма в части их “позитивно-научного” компонента, но считает необходимым дополнить их кантианской нормативной этикой. Результатом такого синтеза стал “научно-философский идеализм” – методологическая основа социальных исследований. В отличие от метафизического идеализма, нацеленного на поиск сущности вещей, научный идеализм направлен на изучение норм должностования, проявляющих себя в мире культуры. Актуализируя идею Канта об априорных формах сознания, Кистяковский делает предметом научного познания “логику в широком

¹⁶ Кистяковский Б.А. Указ. соч. С. 15.

¹⁷ См.: там же. С. 15, 16, 26, 27, 85, 90, 92, 94, 98.

смысле”, а фактически – некие умозрительные фикции, формирующие, как ему представляется, мир культуры (в частности, государство и право). Твердо следуя кантианской гносеологии, он требует изучения не столько реально существующих политико-правовых явлений, сколько их образов в сознании человека. А поскольку человеческое сознание имеет априорные формы, т.е. нормативно организованные, то подлинное научное познание, изучающее социальную материю, всегда имеет дело с идеей долженствования. “В то время как естественные науки исследуют все совершающееся как необходимо происходящее, отдельные дисциплины научной философии устанавливают и подвергают анализу долженствующее быть. Для естествознания высшим принципом является закон природы, для научной философии – нормы, или общеобязательные правила, теоретического мышления, практической деятельности и художественного творчества. Объединяющей категорией для всех естественных наук служит категория естественной необходимости; объединяющая категория для отдельных дисциплин научной философии выражается в сознании должного”¹⁸.

Анализируя процесс познания, Кистяковский привлекает идею баденской школы о ценностях, но со значительными отступлениями. Г. Риккерт и В. Виндельбанд утверждали, что социальный мир уникален и познается лишь путем соотношения фактов культуры с теми или иными ценностями (в этом состояла суть научного познания, основанного на идеографическом методе), закономерности можно наблюдать только в природных явлениях. К последним, правда, относилась и природная эмпирика социальной жизни, на изучении которой, по мысли баденцев, специализировалась социология (генерализирующая наука, по их терминологии). Кистяковский, отступая от данной конструкции, утверждает, что закономерности существуют и в сфере должного, в мире человеческого духа. В отличие от естественных наук, предмет которых – неодушевленная природная материя, гуманитарные науки имеют дело как с природной эмпирикой, так и с сознанием и волей людей. Несмотря на то что факты культуры уникальны, перед социальными науками также стоит задача подведения их под общий знаменатель и выведения каких-либо обобщений. Законы должного, мира логики, по Кистяковскому, подчиняя себе поведение человека, рожают некий новый вид необходимости, т.е. в конечном счете ту же закономерность. Кроме того, тезис о существовании необходимости в мире должного подкреп-

лялся кантовским гносеологическим априоризмом: категория необходимости есть прежде всего категория логики, врожденная форма сознания. Поведение человека каузально в том отношении, в каком подчинено категории необходимости, являющейся в своей основе идеей должного. Необходимость и долженствование “не противоречат друг другу, так как долженствование вмещает в себе необходимость и возвышается над нею. Познавая необходимо совершающееся в социальном процессе, человек познает вместе с тем материал, по отношению к которому, и границы, в которых он должен исполнить свой долг”¹⁹. Соответственно, социальные науки, изучающие мир культуры, призваны открывать в нем закономерности, основанные на идее долженствования. Проблема лишь в том, что инструментарий для выполнения данной задачи должен быть гораздо более тонкий и сложный.

Переведение категории необходимости в сферу логики потребовалось Кистяковскому для того, чтобы расширить рамки социологии, установленные ей позитивизмом и марксизмом, сделать ее нормативной в кантианском духе. Социология, согласно его посылу, должна быть нацелена на поиск закономерностей мира культуры как уникального духовного образования. Задача социологии заключается не в определении различных возможностей, а в установлении необходимого. Социология, чтобы стать наукой, должна быть способной устанавливать безусловно необходимые каузальные связи, существующие вне времени и вне пространства. Может показаться парадоксальным стремление объяснить социальные явления путем установления законов, существующих вне времени и пространства, но это правильная постановка вопроса, делает вывод юрист²⁰.

Поместив необходимое и должное в сферу логики, Кистяковский попытался обосновать законы естественноисторического развития общества, государства и права с помощью нормативной этики. Вступая в полемику с марксистами, он отвергает их, как ему представляется, объективистский подход, согласно которому в основе исторического процесса лежит исключительно материальное производство. По Марксу, рассуждает юрист, материальные интересы людей почти автоматически обеспечивают совершенствование социальных форм. На самом деле, убежден Кистяковский, поступательное движение человечества по пути прогресса обязано его нравственным императивам. Необходимость, проявляющая себя

¹⁸ Там же. С. 120.

¹⁹ Там же. С. 76.

²⁰ См.: там же. С. 31, 94.

в повышении уровня производительных сил и производственных отношений, есть в конечном счете реализация абсолютных нравственных установок, т.е. идеи должного. Человек, по мысли русского юриста, есть прежде всего нравственное существо, даже если он этого еще не осознает. Если примитивные народы или дети еще не знают о высших принципах человеческого духа, это не значит, что их нет. Нравственный принцип неизменен и безусловен, он сформулирован религиозными реформаторами, а Кант его научно обосновал. Наиболее совершенная его формулировка дана в Евангелии: “Не делай другому того, что не желаешь себе”, “Люби ближнего твоего, как самого себя”. Таким образом, закономерность развития государства и права в сторону их всемерного совершенствования находится не столько в сфере действия естественноисторических сил (материальное производство), сколько обусловлено логикой морального императива, требующего от человека бороться за прогресс. Социалистическое правовое государство, по Кистяковскому, – это и есть цель, установленная нравственным сознанием и подчиняющая себе исторический процесс²¹.

Кистяковский выступает за плюралистическое понимание и познание права, определяемое четырьмя основными сторонами его бытия: 1) государственно-повелительное; 2) социологическое; 3) психологическое; 4) нормативное. Он специально останавливается на социологическом изучении права, давая этому подходу типично позитивистскую трактовку: “При изучении права с социально-научной точки зрения главное внимание должно быть обращено на право, осуществляющееся в жизни. Для того чтобы оно стало объектом самостоятельного научного исследования, должен быть оставлен традиционный предвзвешенный, будто бы право, которое осуществляется в жизни, является только отражением или лишь простым следствием того права, которое выражено в законах. Напротив, оно должно быть подвергнуто изучению само по себе во всех своих оригинальных и самобытных чертах. Особенный интерес при этом представляет его зависимость от национальных, бытовых, экономических и других социальных отношений. Во взаимодействии с этими отношениями оно вырабатывается,

модифицируется и развивается. Если мы захотим выразить в кратком определении, что представляет собой право, изучаемое с этой стороны, то мы должны сказать, что право есть совокупность осуществляющихся в жизни правовых отношений, в которых вырабатываются и кристаллизуются правовые нормы”²².

Вместе с тем данная позитивистская трактовка социологии права не должна вводить в заблуждение: Кистяковский – по преимуществу неокантианец, для которого социология права есть прежде всего одна из наук о культуре, имеющая дело с миром ценностей. Нормативное понимание права – ведущее, в известном смысле объединяющее все другие способы познания, выступающее в форме их синтеза. Природа права, рассуждает юрист, обусловлена действием двух целей – трансцендентальных и эмпирических. “Эмпирические цели, обуславливающие существо права, – это цели организации совместной жизни людей. Право, обслуживая общественно-бытовую, экономическую и государственную организации, является выражением всех этих форм организации... Первоначально формы общественных организаций, которым служит и которые выражает право, чрезвычайно разнообразны. Но постепенно благодаря тому, что государственная организация приобретает преобладающее и руководящее значение, эти формы объединяются и сосредоточиваются в той всеобъемлющей организации, которую представляет собою государство. Свое завершение этот процесс получает в правовом и социально справедливом государстве”²³. Но гораздо более существенное значение имеют трансцендентальные цели, а именно – логические и этические. Первые требуют построения права в форме законченного, обобщенного, дифференцированного и систематизированного целого, вторые направлены на воплощение в праве свободы и справедливости. Эмпирические цели оказываются подчиненными трансцендентальным, а нормативное исследование права становится основным содержанием социологии права. Социолого-нормативное исследование “должно вскрыть то, что является трансцендентально-первичным в праве”²⁴, делает вывод Кистяковский.

²² Там же. С. 192.

²³ Там же. С. 396.

²⁴ Там же. С. 398.

²¹ См.: там же. С. 115, 116.